

Революционная трилогия Александра Блока («Двенадцать», «Скифы», «Катилина»)

© 2022, М.Г. Альтшуллер
Питтсбургский университет,
Питтсбург, США

Аннотация: В статье рассматриваются три текста Блока, написанные почти в одно время. В них поэт, по нашему мнению, описывает ужасы происшедшей в России революции. Для него все происходящее есть приход Антихриста. Блок провидит гибель не только старого буржуазного мира, но и уход в небытие страшного нового мира, порожденного революцией. Антихрист, принявший облик Христа, уводит в никуда и «Двенадцать» революционных уголовников, и паршивого облезлого пса, воплотившего в себе весь старый мир с его буржуями, проститутками, попами.

Ключевые слова: «Двенадцать», «Скифы», «Катилина», символизм, «вечная женственность», Христос, Антихрист, гунны, скифы

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер — кандидат филологических наук, почетный профессор, Питтсбургский университет, Fifth Ave., 4200, Pittsburgh, PA 15260, США.

E-mail: altshul@pitt.edu

Для цитирования: *Альтшуллер М.Г.* Революционная трилогия Александра Блока («Двенадцать», «Скифы», «Катилина») // Литературный факт. 2022. № 4 (26). С. 202–221. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-202-221>

Хорошо известно, что Блок безоговорочно принял революцию: «может и обязана интеллигенция работать с большевиками»; «всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию» [3, т. 6, с. 8, 20] и проч. Эта позиция поэта легко объяснима. Для символизма, по словам современного исследователя, «была плодотворной принятая им через поэзию и философию Владимира Соловьева платоновская идея “двоемирия”. Видимый, постигаемый чувствами мир — лишь бледный образ, подобие “подлинной” реальности (“Только отблеск, только тени / От незримого очами”» [14, с. 14]. Иначе говоря, весь наш мир — только зыбкое отражение того истинного, прекрасного бытия, которое недоступно нашему сознанию.

С этой точки зрения, современный поэту буржуазный заземленный мир вполне заслуживал гибели. Революция несет уничтожение старого и, наверное, созидание нового лучшего мира (такой, к примеру, в поэме «Иисус Христос», написанной в 1918 г., виделась Андрею Белому Россия, очищенная в жутком революционном пламени). Такое теоретическое, «головное» восприятие революции и определило отношение Блока к Октябрьскому перевороту.

Но стихи у Блока почему-то совсем не писались: почти три месяца полного поэтического молчания. И вдруг в течение двух дней с небольшим появилась поэма, споры о которой не прекращаются уже второе столетие. Подключимся к этим спорам. Но прежде скажем несколько слов о нашумевшей статье Д.С. Мережковского «Грядущий хам» (1906), написанной по итогам первой русской революции 1905 г.

В этой статье символист Мережковский утверждал, что позитивистская философия современного мещанства погубит духовное религиозное начало человечества. В заключение своей статьи он называет три силы, «три лица грядущего хама», которые погубят и Россию, и истинную культуру, и непреходящие человеческие ценности, т. е. совершат революцию:

Первое, настоящее — над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. Второе лицо, прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающее кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе» <...> Третье лицо, будущее — под нами, лицо хамства, **идущего снизу** — хулиганства, босячества, черной сотни — **самое страшное** из всех трех лиц [5, с. 103]¹.

В поэме Блока мы найдем поэтическое воплощение всех тех трех начал, «лиц», о которых писал Мережковский².

«Двенадцать» начинаются с непроглядной тьмы и белого снега:

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек [3, т. 3, с. 347].

¹ Здесь и далее выделено мной. — М.А.

² Разумеется, речь идет не о подражании Мережковскому, а о сходном структурном понимании жутких процессов, происходивших в России.

Вообще в поэме очень мало цвета, только черный, цвет революции³, и белый, цвет смерти: «Белый цвет — цвет забвения». «“Белый кипарис” осеняет на том свете источник Леты». «Мимо “белой скалы” ведет Гермес души покойников в “Одиссее”» [3, т. 7, с. 367]⁴.

В первой главе поэмы изображается то, что Мережковский назвал «первым лицом». В теперешнем 1918 г. самодержавие перестало быть актуальным, важнее то позитивистское, прагматическое, материальное буржуазное начало, которое воплотилось в достаточно жалких остатках прошлого, уходящего мира, о котором говорится в первой главке поэмы с презрением и насмешкой⁵: буржуй, барыня, проститутки.

И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.
.....
Вот барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали ...
Поскользнулась
И — бац — растянулась! [3, т. 3, с. 348].

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять ...
[3, т. 3, с. 349].

Второе лицо — православие — тоже уходит: оно упоминается в смешной и жалкой фигуре попа:

А вон и долгополый —
Сторонкой за сугроб...

³ «Черный день» — так собирался Блок назвать сборник своих стихов со «Скифами» и «Двенадцатью». См.: [4, с. 28].

⁴ См. примеч. 13.

⁵ В «Дневнике» 26 (13) февраля Блок пишет о «буржуях» с лютой ненавистью: «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет буржуа с семейством. <...>. Господи боже! Дай мне освободиться от ненависти к нему <...> душист злобой, перебивает мысли. <...> Я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического, истерического омерзения, мешает жить» [3, т. 7, с. 227].

Что нынче невеселый
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед.
И крестом сияло
Брюхо на народ? [3, т. 3, с. 348].

Оба этих «лица» воплощаются в облезлом псе из девятой главки, уже перед финалом. Здесь снова появляется ошметок прошлого — буржуй:

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом трется шерстью жесткой,
Поджавши хвост, паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост. [3, т. 3, с. 355].

Этот пес становится, как увидим, очень важным символом, проясняющим основную идею поэмы.

Затем появляется ее основное действующее «лицо», «самое страшное из всех трех лиц» — то **будущее**, которое пришло снизу и стало **настоящим**. Герои поэмы появляются во второй главке и **державным шагом** проходят по ней до страшного финала:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз! [3, т. 3, с. 349].

Все дальнейшее содержание поэмы показывает справедливость этой характеристики: убийцы вполне заслуживают каторжных работ. Немного непонятна строка: «Кругом — огни, огни, огни...».

Кажется, в замершем, умирающем Петрограде, только что описанном выразительными стихами, неоткуда взяться многочисленным огням. Костры на замерзших улицах вряд ли могут создать впечатление обильных источников света. То ли это отблески полыхающих барских усадеб, где сгорела библиотека Блока⁶, то ли мировой пожар «на горе всем буржуйам», который собираются раздуть большевики, то ли языки адского пламени, куда отправятся в конце поэмы двенадцать «апостолов» с бубновым тузом на спине? Державный, т. е. государственный шаг, неоднократно упоминающийся в поэме, очевидно, означает, что двенадцать потенциальных носителей бубнового туза олицетворяют собой только что созданную большевиками державу.

Итак, двенадцать державным шагом направляются свершить свое деяние, которое и станет единственным действием всей поэмы. Они убивают проститутку Катьку. Ее кавалер солдат Ванька случайно избежал уготованной ему участи.

Как хорошо известно, важнейшей идеей философской системы Владимира Соловьева является «вечная женственность», одухотворяющее женское начало того идеального мира, который противопоставлен миру обыденному, прагматическому, пошлому⁷:

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
В ней совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней [8, с. 121].

В другом тексте Соловьева:

...передо мною
Уже лучился голубой туман
И побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан [8, с. 131].

⁶ Безо всякого сочувствия описывает Маяковский свою встречу с Блоком в поэме «Хорошо»: «И сразу лицо скупее менял, / Мрачнее, чем смерть на свадьбе: / “Пишут... из деревни... / Сожгли... / У меня... / Библиотеку в усадьбе”».

⁷ О развитии этой идеи в Европе и России см. содержательную статью В. Кантора [6].

Блок развил эту идею Соловьева. Она проходит практически через все его творчество, начиная со «Стихов о прекрасной даме»:

Прозрачные неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам — Себя Ты отдаешь...

А здесь внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты [3, т. 1, с. 107].

И позднее, во втором и третьем томах лирики, когда, по тонкому замечанию Сергея Соловьева, Блок «от мира божественного переходит к тварному» [11, с. 59], в его женских образах постоянно высвечивается лик прекрасной женственности. Так, в стихотворении «В ресторане» капризная кокетка со «взором надменным» и «намеренной резкостью» манер вдруг обретает таинственный облик Прекрасной Дамы:

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка [3, т. 3, с. 25].

А в «Незнакомке», которая, несомненно, как и Катька, принадлежит к представительницам древнейшей профессии (появляется в кабаке, «пройдя меж пьяными / Всегда без спутников, одна»⁸) вдруг проглядывают мистические далекие миры:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка
<...>
И странной близостью закованный,
Гляжу за черную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль

⁸ Ср.: «Проститутки с Подъяческой улицы, гуляя по Невскому с прикрепленными к шляпам черными страусовыми перьями, рекомендовали себя проходящим в качестве “Незнакомок”» [13, с. 318].

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу [3, т. 2, с. 186].

Образ «вечной женственности» присутствует во многих поэтических текстах Блока, но только не в поэме «Двенадцать». Ни капли ее нет в бедной Катьке, которую убийцы провожают на тот свет напутствием: «Лежи ты, падаль, на снегу». Все в ней — одна сплошная телесность: родинка пунцовая возле правого плеча, на шее шрам от ножа, под грудью свежая царапина. Ни малейшего намека на духовность. Вот что пишет о ней Блок иллюстратору поэмы Ю.П. Анненкову 12 августа 1918 г., рассказывая, как он, автор, понимает свою героиню: «Катька — здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка; свежая, простая, добрая — здорово ругается, проливает слезы над романами⁹, отчаянно целуется <... > Рот свежий, масса зубов, чувственный <...> “Эспри” поглубе и понелепей (может быть, без бабочки)¹⁰. “Толстомордость” очень важна (здоровая и чистая, даже — до детскости)» [3, т. 8, с. 514].

Убив по случайности Катьку вместо Ваньки, убийцы продолжают свою революционную деятельность:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтьба! [3, т. 3, с. 354].

Один только Петруха горюет по убитой Катьке:

Эту девку я любил...
Ночки черные хмельные
С этой девкой проводил... [3, т. 3, с. 353].

Соучастники с суровостью, присущей товарищам по оружию, утешают беднягу:

⁹ Может быть, Блок вспомнил Настю из «На дне».

¹⁰ Эспри — украшение из перьев для прически или шляпы. У Незнакомки были «перья страуса склоненные», а у бедной Катьки что-нибудь «поглубе и понелепей».

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой! [3, т. 3, с. 354].

Видимо, одной Катькой дело не ограничится. **Тяжелое бремя** многих убийств еще предстоит:

Ужь я семячки
Полущу, полущу...
Ужь я ножичком
Полосну, полосну!.. [3, т. 3, с. 355].

Поэты — всегда провидцы. Много-много еще поубивают Двенадцать, их соратники и их наследники.

Увещения криминального коллектива возымели действие. Бедный убийца «головку вскидывает, он опять повеселел» и готов, согласно бандитской логике, резать других — «мстить» за совершенное им самим убийство:

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку [3, т. 3, с. 355].

Так, выполняя свою тяжелую революционную работу, грабя и убивая, державным шагом, с красным флагом «идут без имени святого / все двенадцать вдаль». Важно отметить, что идут они не одни. За ними

Только нищий пес голодный
Ковыляет позади ...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный... [3, т. 3, с. 358].

Целых три строфы в финале маленькой поэмы отдает автор воплощению старого мира — голодному шелудивому псу. Державным шагом движется новый революционный мир, и, не отставая ни на шаг, за ним, вместе с ним, движется и весь старый мир (буржуи, попы, баре и барыни, проститутки) — куда? Может быть, последняя знаменитая строфа ответит на этот главный вопрос:

... Так идут державным шагом —
 Позади голодный пес
 Впереди с **кровавым флагом**,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули невредим,
 Нежной поступью надвьюжной.
 Снежной россыпью жемчужной
В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос¹¹ [3, т. 3, с. 359].

Несмотря на свою ненависть к религии, большевики увидели в этом образе Христа оправдание революции и всех ее бесчинств и радостно приняли поэму. То же увидели в ней и противники революции и с отвращением отвернулись от Блока¹². Однако уже современники заметили в изображении Христа странные несоответствия. Во-первых, он идет даже не с красным флагом, как двенадцать бандитов в начале этой последней, двенадцатой, главки поэмы, а с кровавым, что абсолютно противоречит всем заповедям, во-вторых, на голове у него не терновый венец, важнейший атрибут Христа, а «белый венчик из роз»¹³.

Странность своего Христа Блок сам хорошо понимал и писал в уже цитированном письме к Ю.П. Анненкову: «О Христе: Он маленький, согнулся, как пес сзади, аккуратно несет флаг и *уходит*. “Христос с флагом” — это ведь — “и так и не так”. Знаете ли Вы (у меня через всю жизнь), что, когда флаг бьется под ветром (за дождем или за снегом и *главное* — за ночной темнотой), то *под ним*

¹¹ Выделено мной. — М.А.

¹² Литература о Христе финальной строфы — необозрима. Споры продолжаются. См., например: [15].

¹³ «Белый венчик» может быть и намогильным венком из белых роз, что неоднократно отмечалось. 13 июля 1919 г. Блок делает в «Дневнике» выписки из статьи проф. Зелинского о белом цвете: «Белый цвет — цвет забвения. “Белый кипарис” осеняет на том свете источник Леты» и проч. [3, т. 7, с. 367]. Т. е. в этом образе Христа с его белыми розами видится Блоку не воскресение, а забвение, смерть (Лета). 25 февраля 1918 г. он записывает в «Дневнике»: «Я иногда сам ненавижу этот женственный призрак» [3, т. 7, с. 330].

мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несет, а как — не умею сказать) <...> может быть, хуже всего сказал в “Двенадцати” (по существу, однако, не отказываюсь, не смотря на все критики)» [3, т. 8, с. 514].

Иначе говоря, под кровавым флагом чудился Блоку вовсе не Христос, а вместо него «что-то огромное», чужое. И к этой мысли он постоянно возвращался. 18 февраля 1918 г. он записывает: «Люба вечером на общем собрании рабочих — довольна, хорошо приняли. Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, “достойны ли они Его”, а страшно, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого? Я как-то измучен, или рожаю, или устал» [2, с. 388–389]. Т. е. снова вместо Христа Блоку видится что-то другое, какой-то иной Христос, может быть, Антихрист, о чем сразу после появления поэмы тоже шли разговоры.

Нам представляется, что речь идет именно об Антихристе. В знаменитой «Краткой повести об Антихристе» Владимира Соловьева Антихрист является под личиной Христа¹⁴. О том, что эта повесть входила в круг размышлений Блока именно во время написания «Двенадцати», по-видимому, свидетельствует одно маленькое наблюдение.

Все комментарии отмечают неточность эпитафия к поэме «Скифы», которая писалась в одно время с «Двенадцатью». У Блока:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев

В стихотворении Соловьева:

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно [9, с. 104].

На самом деле никакой неточности у Блока нет: Соловьев использовал свое стихотворение для эпитафия к «Краткой повести об антихристе». И там эпитаф звучал точно, как у Блока: «Панмонголизм! Хоть **имя** дико...» [10, с. 459]. Следовательно, Блок либо вспомнил именно эпитаф к «Краткой повести», либо имел ее перед глазами.

¹⁴ О сходстве, подобии, даже тождестве Антихриста в «Повести» Соловьева и «Христа» у Блока см.: [7, с. 145–146; 12].

И в самой повести Соловьева мы, кажется, находим некоторые параллели с изображением Христа в поэме Блока. Антихрист Соловьева осуществляет «второе пришествие», он провозглашает себя «совершенным, окончательным спасителем»: «Тот Христос мой предтеча. Его призвание было — предварить и подготовить мое явление» [10, с. 464]. Дьявол внушает ему: «Я Бог и отец твой. А тот нищий и распятый — мне и тебе чужой. У меня нет другого сына кроме тебя» [10, с. 466]. И люди принимают самозванца за Христа, поклоняются ему и приветствуют второе пришествие. Так у Соловьева вместо Христа появляется **другой** сын, сын не Бога, а дьявола. И далее цитируются слова Христа, по смыслу повести явно относящиеся к Антихристу: «Я пришел во имя Отца и не принимаете меня, а придет **другой** во имя **свое**, — и того примете» (Ин. 5:43). Соловьев употребляет слово «другой» и подчеркивает его. В славянской же Библии стоит «иной»: «Аз приидох во имя отца моего, и не приемлете мене, аще ин приидет во имя свое, того приемлете». В русском синодальном переводе тоже употребляется слово «иной». Вполне возможно, что когда Блок говорил: «надо Другого», он имел в виду именно соловьевского Антихриста¹⁵. Иногда кажется, что он самому себе боялся признаться, что вместо Христа получился Антихрист.

Этот Антихрист уводит за собой в небытие, в никуда, во тьму не только новый созданный революцией мир, но и старый, обозначенный в первой главке. В старом были хоть отсветы истинного идеального мира, в новом — даже отсветов не осталось.

После Октября пришло прагматическое (материалистическое) начало: отнять и поделить. Идеальный (идеалистический) мир, отблески, отражения которого существовали прежде, совсем исчез. Свирепый вихрь, в котором погибли культура, искусство, поначалу имел для символистов некоторую привлекательность¹⁶. Они считали, что новый безумный мир, вместе со старым, далеко не идеальным, разрушенным революцией, обречен на гибель. Они готовы были эту гибель принять¹⁷. Отрезвление, однако, пришло достаточно быстро.

В записной книжке Блока имеются две строчки: «4 декабря <1918>. Весь день — занятие Гейне (стихами)¹⁸. Слух, что расстре-

¹⁵ Кажется, **другой**, хотя и синонимично слову **иной**, имеет более выраженную коннотацию противостояния. Иной — непохожий, другой — совсем иной, противоположный, противостоящий («Нет, я не Байрон, я другой ...»). Может быть, Соловьев, ученый, богослов, превосходно знавший Новый Завет (как, конечно, и Блок) намеренно употребил не библейское слово.

¹⁶ «Слушайте музыку революции» и проч.

¹⁷ «Вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном» (В. Брюсов).

¹⁸ Блок готовил собрание сочинений Гейне, редактировал переводы.

ляны Рузский и Рухлов» [2, с. 438]. В двух строчках отразился кошмар эпохи. А Блок, эти строчки написавший, поправляет переводы лирических стихов, когда узнает о расстреле двух знакомых людей. Может быть, эта короткая страшная запись объясняет, как оказалось возможным сотрудничество с убийцами: в этом мире жить нельзя, он обречен, погибнет и достоин, заслужил эту гибель. А пока он существует, нужно, по возможности, помочь людям жить — пусть хотя бы почитают прекрасные стихи. А через неделю, 11 декабря (он продолжает работу над тем же автором): «Весь день — о Гейне. — Сопровождается почти отчаянием и тоской — будто все проваливается» [2, с. 439]. Действительно, в поэме Блока провалились в небытие и весь старый буржуазный мир, и новые гунны (см. ниже о поэме «Скифы»), ведомые Антихристом.

Итак, мы увидели, что никакого принятия революции, «нового мира» в «Двенадцати» не было. Написанная на следующий день после окончания «Двенадцати» (28 января) маленькая поэма «Скифы» (29–30 января), по нашему мнению, это подтверждает.

Блок писал «Скифов», еще заканчивая свою поэму: 4 февраля (уже после «Скифов») он отмечает в «Записной книжке»: «“Двенадцать” — отделка, интервалы» [3, т. 3, с. 626]. И та боль, та музыка, то напряжение, с которым писалась эта поэма («сегодня я гений», — написал он, когда поэма была закончена), не могли не отразиться в «Скифах».

Повод для написания этой поэмы и ее прозаическая программа общеизвестны. В эти дни шли переговоры с Германией в Брест-Литовске. 11 января в «Дневнике» Блок прозой изложил программу будущей поэмы: «Мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим *косящим*, лукавым, быстрым взглядом; *мы скинемся азиатами*, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины» [3, т. 7, с. 317]¹⁹. Действительно, в «Скифах» есть все из этой программы: «Мы обернемся к вам / Своею азиатской рожей; Мы открываем место бою/ Стальных машин, где дышит интеграл, / С монгольской дикою ордою!» — и проч.

Все это лежит в поэме на поверхности. Строки, посвященные скифам, вполне соответствуют программе. При этом скифы, там изображенные, восходят к одноименному популярному стихотворению Брюсова 1899 г. Его автор отождествляет себя с **далекими предками**: он умеет поджидать **матерого тура**, он **лучший из пловцов**,

¹⁹ 29 января 1918 г. Блок записывает: «Азия и Европа. <...> *Война не прекращена, мир не подписан*» [2, с. 387]. Курсив в цитатах — Блока.

обгонит **всех юношей в беге**, а **дева со взором жгучим** заласкает его **ночью в телеге**.

Так же отождествляет себя со скифами Блок: «Да, скифы — мы! / Да, азиаты — мы...». Скифы его очень похожи на брюсовских. Они любят

...плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...

Они привыкли

...хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И укрощать рабынь строптивых... [3, т. 3, с. 361].

Но за этим внешним сюжетом об азиатах-скифах просвечивает другой, глубинно связанный с только что законченными «Двенадцатью». Те же самые скифы, любители **смертной плоти**, вдруг говорят о себе:

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады... [3, т. 3, с. 361].

Это какие-то странные скифы. Не похоже, что они привыкли ломать спины диким лошадям. Скорее они привыкли читать умные книги и размышлять над событиями истории и явлениями европейской (в том числе, конечно, русской) культуры. И говорят они об этом явно в системе символистской поэтики, называя не столько сами явления и вещи, сколько их отзвуки: **жар числ**, **дар божественных** видений, **сумрачный** гений, **ад улиц**, **далекий аромат** рощ, **дымные громады** Кельн<ского собора>, **прохлады** Венеции. Это не дикие скифы, а умные, тонкие русские интеллигенты, которые выросли на европейской культуре и чувствуют себя братьями европейцев. Гунны угрожают им так же, как и уточенной европейской

культуре, о которой автор-«скиф» говорит столь проникновенно и любовно.

Никакие «гунны», т. е. китайцы или монголы²⁰, в то время не угрожали России, тем более не пытались пройти через нее, чтобы напасть на Европу. Эти гениальные, проникновенные строки говорили совсем о другом.

Тема гуннов была далеко не нова для поэтов Серебряного века. Валерий Брюсов писал не только о скифах, но и о страшных гуннах в знаменитом стихотворении «Грядущие гунны» (1905):

На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становой —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови. <...>

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всем неповинны, как дети! <...>

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Речь идет, конечно, не о каких-то гуннах (стихи написаны в 1905 г.!), а о восставшей народной массе. Как Блок и Белый, Брюсов готов приветствовать эту революционную стихию, несущую гибель его культуре, потому что за этим уходящим миром он провидит другой — истинный.

Футуристы, которые радостно сбрасывали культуру «с парохода современности», с готовностью отождествили себя с гуннами. В. Маяковский в 1913 г. заявил в стихотворении «Нате»:

...сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам...

²⁰ Напомним, что эпиграфом к «Скифам» служат строки из стихотворения Владимира Соловьева: «Панмонголизм! Хоть слово дико, / Но мне ласкает слух оно» (у Блока в эпиграфе вместо «слово» — «имя»).

Блоковские гунны сродни Брюсовским. В поэме «Двенадцать» они обрели конкретную и, как мы видели, весьма неприятную физиономию. Именно о них идет речь и в «Скифах». Это разного рода маргиналы: люмпены, горьковские бродяги, которыми так восхищалась интеллигенция Серебряного века (всякие Челкаши, Сатины, Коноваловы и проч.), обленившиеся солдаты Петербургского гарнизона, дезертиры, обитатели московского Хитрова рынка и хулиганье Петербургских подворотен. Они шарят **в карманах трупов**: у Катьки **керенки есть в чулке** — неизвестно, остались ли они там после ее убийства. Они будут **жечь города** в наступающей Гражданской войне (**мировой пожар раздуем**) и превращать церкви в конюшни, потом в склады и мастерские для ремонта тракторов (**в церковь гнать табун**), а еще потом эти двенадцать и им подобные доведут страну до людоедства (**мясо белых братьев жарить**).

Так истина поэзии пришла в противоречие с прозой политической доктрины. К тому же три месяца существования новой власти сильно поколебали теоретические построения первых дней революции. Это хорошо видно в дневниках и записных книжках Блока.

После двух поэм Блок не писал более стихов. Мощный реквием миру, в первую очередь России, был создан. «Большой шум <...> шум от крушения старого мира» — смолк. Блок, по его собственным словам, «несколько дней ощущал его физически, слухом» [2, с. 474]. Однако раздумья над постигшей Россию катастрофой продолжались. Отрицая политическое, т. е. сиюминутное содержание своей поэмы, Блок пишет в только что цитированной заметке: «Те, кто видят в Двенадцати политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи...». Содержание гениальной поэмы, конечно, гораздо значительнее, чем переворот, совершенный 25 октября кучкой большевиков. Чуть далее Блок признается, что «в поэме осталась капля политики».

Как мы видели, в «Двенадцати» главным героем становится банда вооруженных люмпенов. Оправдывая «идеологически» и этически убийства и грабежи, они выкрикивают лозунги, вроде: «мировой пожар раздуем», «революционный держите шаг», «неугомонный не дремлет враг», «вперед, вперед рабочий народ» и пр. Сами бандиты, естественно, придумать их не могли. Их сочиняют идеологи, руководили восставшего народа. О таких руководителях по другому поводу записал Блок в «Дневнике» 7 января 1918 г.: «Пришлось уверовать — заставили — надули (как большевики)» [3, т. 7, с. 316].

Именно о таких идеологах поэт рассказал прозой в очерке «Катилина», разясняя «каплю политики» в своей поэме. Очерк был на-

писан почти сразу за двумя поэмами в апреле / мае 1918 г. Здесь Блок прозой заговорил о тех, кто организовал, возглавил маргинальную массу, разрушающую цивилизацию, которая, впрочем, с его токи зрения, своей гибели была вполне достойна. Сопоставление очерка с поэмой, кажется, подтверждает наши размышления об истинной сущности того, кто в финале поэмы оказывается предводителем банды, сеющей гибель и всеобщее разрушение.

Очерк начинается с сообщения о его главном герое: «Люций Сергий Катилина, римский революционер, поднял знамя вооруженного восстания в Риме, за шестьдесят лет до рождения Иисуса Христа» [3, т. 6, с. 60]. Блок не скрывает от своих читателей нравственный облик этого революционера: «Катилина предавался крайним порокам; он убил своего брата, жену и сына <...> был в связи с весталкой и с родной дочерью. Если даже три четверти всего этого — злобная сплетня, то и остающейся четверти довольно» [3, т. 6, с. 67]. Ссылаясь на Цицерона, Блок говорит и об умении Катилины очаровывать людей: «...кто раз сойдется с Катилиной, уже не оставляет его и совершенно подпадает под его влияние» [3, т. 6, с. 67].

Затем автор переходит к описанию внутреннего состояния Римской империи, за которой откровенно просматривается империя Российская: «<Рим> продолжал воевать. Войны эти порождали бесконечные внутренние затруднения в области продовольствия, финансов, военного дела; правительство было не в силах справиться с такими затруднениями. Власть непрерывно переходила из рук одного диктатора в руки другого. Между тем солдаты, которые набирались из беднейших классов, были изнурены войной, требовали огромных денег и просто отказывались воевать <...> Недовольство среди них, вечный спутник праздной и бессмысленной военной жизни росло; с ним вместе готова была разразиться гражданская война...» [3, т. 6, с. 62, 66–67]. Действительно, солдаты Петербургского гарнизона, не желавшие отправляться на фронт, обленившиеся, отупевшие от безделья, сыграли огромную роль в Февральской революции и Октябрьском перевороте — об этом подробно писал Солженицын в «Красном колесе. Узел 3. Март семнадцатого».

Римский «большевик» Катилина (так называет его Блок) поднял восстание против гнивающего, раздираемого борьбой олигархов, уже клонящегося к упадку Рима. Автор очерка рассказывает об этой отчаянной попытке: «Вот на этом-то фоне ночного города (революция, как все великие события, всегда подчеркивает черноту²¹) —

²¹ Характерно, что революция видится Блоку черной. В «Двенадцати», как мы помним, именно с «черного вечера» начинался кошмар общего запустения и шествия

представьте себе ватагу²², впереди которой идет обезумевший от ярости человек, заставляя нести перед собой знаки консульского достоинства» [3, т. 6, с. 85].

А теперь вспомним другую «ватагу» из двенадцати, тех, кому «на спину надо бубновый туз». Впереди них с **кровавым** флагом идет не большевик, а тот, кто, приняв образ Христа, ведет мир в небытие. Параллель, думается, очевидна. На этом фоне кажется разумным желание большевиков заменить непонятого, нежелательного Христа матросом или наркомпросом Луначарским.

Вскоре после «Двенадцати» и «Скифов» Блок записал в «Дневнике» (4 марта / 19 февраля 1918 г.) слова, тоже продиктованные **отчаянием и тоской**: «9/10 России (того, что мы так называли) действительно уже не существует. Это был больной, давно гнивший; теперь он издох; но он еще не похоронен; смердит» [3, т. 7, с. 328]²³. Своей поэмой (да и «Скифами») Блок и хоронил этот мир.

Прозрения поэта, созданные на заре революции, через сто лет обратились в чеканную формулировку историка: «Грянул 1917 год, когда маргинальная масса вырвалась наружу и смела «регулярное государство» (созданное Петром. — М.А.) и столетие рефлексировавших дворян и интеллигентов, и церковь, и европеизированную культуру. Плодами этой так называемой революции ловко воспользовалась узкая секта-партия во главе с Лениным» [1, с. 263–264].

Литература

1. Анисимов Е. Петр Первый. Благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Блок А. Записные книжки 1901–1920. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
3. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1960–1963.
4. Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921) // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 7–39.
5. Интеллигенция. Власть. Народ. Антология / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. 341 с.

банды псевдоапостолов. Эта чернота противостояла белому снегу и белым розам на голове Христа, впрочем, видимо, тоже мнимого.

²² Чуть ниже Блок назовет Катилину «преступным предводителем развратной банды».

²³ А спустя три года (в апреле 1921 г.) едва ли не последними его словами были: «Родная, искалеченная, сожженная смутой, развороченная разрухой страна!» [3, т. 6, с. 183–184]. Заключительные строки статьи «Без божества, без вдохновенья».

6. Кантор В. «Вечно женственное» и русская культура // Октябрь. 2003. № 11. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2003/11/vechno-zhenstvennoe-i-russkaya-kultura.html> (дата обращения: 27.11.2022).

7. Кантор В.К. Антихрист Владимира Соловьева и Христос Александра Блока // Соловьевский сборник: Материалы междунар. конф. «В.С. Соловьев и его философское наследие». М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 145–156.

8. Соловьев В. Das Ewig–Weibliche. Слово увещательное к морским чертям // Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 120–121.

9. Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 352 с.

10. Соловьев В. Чтения о богочеловечестве, статьи. Стихотворения и поэмы. Из «Трех разговоров». Краткая повесть об антихристе. СПб.: Худож. лит., 1994. 528 с.

11. Соловьев С. Воспоминания об Александре Блоке // Письма Александра Блока. Л.: Колос, 1925. С. 9–45.

12. Степанов А.Н. Эстетика «Трех разговоров» в творчестве А. Белого, А. Блока («Двенадцать», «Скифы») // Соловьевские исследования. 2010. Вып. 4 (28). С. 98–108.

13. Степун Ф. Сбывшееся и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 1. 398 с.

14. Сугай Л.А. «...И блещущие чертит арабески» // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 3–18.

15. Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11. С. 190–206.

Research article

Alexander Blok's Revolutionary Trilogy (“The Twelve,” “The Scythians,” “Catiline”)

© 2022. Mark G. Altshuller
University of Pittsburgh,
Pittsburgh, USA

Abstract: The article examines three texts by Blok, written almost at the same time. In our opinion, the poet describes the horrors of the Russian revolution; he views it as the coming of the Antichrist. Blok foresees the death not only of the old bourgeois world, but also that of the terrible new world brought on by the revolution. The Antichrist, posing as Christ, destroys both the twelve revolutionary criminals and the shabby, mangy cur, who represents the old world with its bourgeois, prostitutes, and priests.

Keywords: “Twelve,” “Scythians,” “Catiline,” symbolism, “eternal femininity,” Christ, Antichrist, Huns, Scythians.

Information about the author: Mark G. Altshuller — PhD in Philology, Professor Emeritus, University of Pittsburgh, Fifth Ave. 4200, PA 15260 Pittsburgh, USA.

E-mail: altshul@pitt.edu

For citation: Altshuller, M.G. “Alexander Blok’s Revolutionary Trilogy (‘The Twelve,’ ‘The Scythians,’ ‘Catiline’).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (26), 2022, pp. 202–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-26-202-221>

References

1. Anisimov, E. *Petr Pervyi. Blago ili zlo dlia Rossii?* [*Peter I: Good or Bad for Russia?*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 272 p. (In Russ.)
2. Blok, A. *Zapisky knizhki 1901–1920* [*Notebooks. 1901–1920*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 664 p. (In Russ.)
3. Blok, A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols.*]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960–1963. (In Russ.)
4. Zorgenfrei, V.A. “Aleksandr Aleksandrovich Blok (Po pamiaty za piatnadsat’ let: 1906–1921)” [“Alexander Alexandrovich Blok (From Memory in Fifteen Years: 1906–1921)”. *Aleksandr Blok v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [*Alexander Blok in Memoirs of Contemporaries: in 2 vols.*], vol. 2, comp., text prep. and comm. by Vl. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 7–39. (In Russ.)
5. Novikova, L.I., Sizemskaja, I.N., editors, compilers. *Intelligentsiia. Vlast’. Narod. Antologija* [*Intellectuals. Power. The People. Anthology*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 341 p. (In Russ.)
6. Kantor, V. “‘Vечно zhenstvennoe’ i russkaia kul’tura” [“‘Eternally Feminine’ and Russian Culture”]. *Oktiabr’*, no. 11, 2003. Available at: <https://magazines.gorky.media/october/2003/11/vechno-zhenstvennoe-i-russkaya-kultura.html> (Accessed 27 November 2022). (In Russ.)
7. Kantor, V.K. “Antikhrist Vladimira Solov’eva i Khristos Aleksandra Bloka” [“The Antichrist of Vladimir Solovyov and the Christ of Alexander Blok”]. *Solov’evskii sbornik: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii “V.S. Solov’ev i ego filosofskoe nasledie”* [*Solov’ev Collection: Materials of the International Conference “V.S. Solov’ev and His Philosophical Legacy”*]. Moscow, Fenomenologija-Germenevtika Publ., 2001, pp. 145–156. (In Russ.)
8. Solov’ev, V. “Das Ewig–Weibliche. Slovo uveshchatel’noe k morskim chertiam” [“The Eternal Feminine. A Word of Exhortation to the Sea Devils”]. Solov’ev, V. *Stikhotvoreniia i shutochnye p’esy* [*Poems and Joking Plays*]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1974, pp. 120–121. (In Russ.)
9. Solov’ev, V. *Stikhotvoreniia i shutochnye p’esy* [*Poems and Joking Plays*]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)
10. Solov’ev, V. *Chteniiia o bogochelovechestve, stat’i. Stikhotvoreniia i poemy. Iz “Trehh razgovorov.” Kratkaia povest’ ob antikhriste* [*Readings on God’s Humanity, Articles. Poems. From “Three Conversations.” A Brief Story about the Antichrist*]. St. Petersburg, 1994. 528 p. (In Russ.)
11. Solov’ev, S. “Vospominaniia ob Aleksandre Bloke” [“Memories of Alexander Blok”]. *Pis’ma Aleksandra Bloka* [*Letters of Alexander Blok*]. Leningrad, Kolos Publ., 1925, pp. 9–45. (In Russ.)
12. Stepanov, A.N. “Estetika ‘Trehh razgovorov’ v tvorchestve A. Belogo, A. Bloka (‘Dvenadsat’, ‘Skify’)” [“The Aesthetics of the ‘Three Conversations’ in the Works of

A. Belyi, A. Blok ('The Twelve,' 'The Scythians')"]. *Solov'evskie issledovania*, issue 4 (28), 2010, pp. 98–108. (In Russ.)

13. Stepun, F. *Sbyvsheesia i nesbyvsheesia [What has Happened and has not Happened]*, vol. 1. New York, Publishing House named after Chekhov Publ., 1956. 398 p. (In Russ.)

14. Sugai, L.A. “...I bleshchushchie chertit arabeski’.” [“...And the Brilliant Arabesques He Draws’.”]. *Andrei Belyi. Simvolizm kak miroponimanie [Andrei Bely. Symbolism as an Understanding of the World]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 3–18. (In Russ.)

15. “Final ‘Dvenadsati’ — vzgliad iz 2000 goda” [“The Finale of ‘The Twelve’ — a View from the Year 2000”]. *Znamia*, no. 11, 2000, pp. 190–206. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.09.2022

Одобрена после рецензирования: 21.10.2022

Дата публикации: 25.12.2022

The article was submitted: 03.09.2022

Approved after reviewing: 21.10.2022

Date of publication: 25.12.2022